

На правах рукописи

ЧАГЛЫЯН ШАКАР КЮБРА

**РОМАН Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»
И ПРОБЛЕМА МОСКОВСКОГО ТЕКСТА**

Специальность 10.01.01. – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2016

Работа выполнена на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Скорospelова Екатерина Борисовна

Официальные оппоненты: **Селеменова Марина Валерьевна,**
доктор филологических наук, доцент,
ГАОУ ВО «Московский городской университет
управления Правительства Москвы», профессор
кафедры социально-гуманитарных дисциплин
и истории права

Калмыкова Вера Владимировна,
кандидат филологических наук,
главный редактор издательства «Русский
импульс»

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Московский педагогический
государственный университет»

Защита состоится «15» декабря 2016 года в 16.00 часов на заседании диссертационного совета Д.501.001.32 при ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» и на сайте филологического факультета <http://www.philol.msu.ru>.

Автореферат разослан «__» _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук доцент

О.С. Октябрьская

Общая характеристика работы

Роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», написанный в 1957 году, но опубликованный в России только в 1988 году, далеко не сразу был воспринят как выдающееся художественное явление. Хотя критики русского Зарубежья уже в сборнике статей, вышедшем в Мюнхене в 1962 году, т. е. через 5 лет после публикации романа, сделали предметом исследования его поэтику, для большинства исследователей и за рубежом, и в России идеологическая проблематика романа надолго заслонила проблемы эстетические. И на сегодняшний день, когда пастернаковедение обогатилось рядом успешных исследований, в том числе коллективной монографией РГГУ «Поэтика “Доктора Живаго” в нарратологическом прочтении» (2014), облик романа в его эстетической завершенности остается неисчерпаемым. Нам бы хотелось поддержать и развить одну из тенденций в изучении романа – обращение к его мифопоэтической природе, выдвинув в качестве предмета исследования участие Пастернака в создании Московского текста.

Мифопоэтика представляет собой перспективное и активно развивающееся направление современного литературоведения. К основополагающим работам З.Г. Минц, М.Ю. Лотмана, В.Н. Топорова, Е.М. Мелетинского¹ в последнее время прибавился ряд новых работ в этой области². Цель мифопоэтики – изучение функционирования в художественном тексте мифологических образов, мотивов, аллюзий и трансформаций, которым они могут под-

¹ Минц З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов. Блоковский сборник III. // Учен. зап. Тартуского ун-та. – Тарту, 1979. – С. 76–120; Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического : Избранное. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995; Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М. : Наука, 1976.

² Чернышева Е. Г. Мифологические мотивы в русской фантастической прозе 20–40-х гг. XIX века: Автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – 2001; Полонский В. В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX века. – М., 2008; Корниенко О. А. Мифопоэтическая парадигма русской прозы 30-х годов XX века: Векторы эстетического поиска в литературе метрополии и зарубежья: Монография. – Киев: Логос, 2006; Солдаткина Я.В. Мифопоэтика русской эпической прозы 1930–1950-х годов: генезис и основные художественные тенденции: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2011; Солдаткина Я. Л. Мифопоэтика романа Б. А. Пастернака “Доктор Живаго”: Культурно-историческое и универсальное // Вестн. МГОУ. Сер. “Русская филология”. – 2011. – № 2. – С. 117–122.

вергаться. Особый интерес представляют собственно авторские мифы – неомифы. **Актуальность исследования** будет, таким образом, связана с применением продуктивно развивающегося в современном отечественном литературоведении мифопоэтического метода анализа художественных текстов.

Актуальность темы диссертации определяется также интенсивностью исследований Московского текста в русской литературе, свидетельствующей о том, что данная тема представляет для современной русской литературы несомненный научный интерес. Однако круг работ, специально посвященных Московскому тексту Б.Л. Пастернака, ограничен, что требует его системного исследования. Своевременность нашего исследования связана также с дискуссионностью как самого понятия «Московский текст», так и с вопросом о существовании и особенностях бытования этого явления в произведениях литературы XX века.

Цель и задачи исследования.

Цель диссертационного исследования – выявить структуру Московского текста в романе Пастернака и определить роль в ее создании мифообразующего компонента.

В соответствии с поставленной целью предусматривается решение следующих задач:

- на основе теоретического обоснования понятия «городской текст» выявить его признаки в произведении Пастернака;
- дать представление о характере московского претекста в русской литературе, значимого для развития Московского текста в творчестве Пастернака;
- охарактеризовать мифопоэтические аспекты романа Пастернака.

Предмет исследования – роман Пастернака «Доктор Живаго» и его неомифологическая структура в отношении к Московскому тексту русской литературы.

Объект исследования – роман Пастернака как выдающийся авторский вариант Московского текста русской литературы.

Методология исследования базируется на представлении о специфике художественной системы Пастернака (работы Н.Д. Арутюновой, В.С. Бавеского, Л.Л. Горелик, А.К. Жолковского, Л.А. Колобаевой, И.П. Смирнова, А.Д. Синявского, Н.А. Фатеевой, Л. Флейшмана, А. Юнгрен, Р.О. Якобсона). Методологически важными для диссертанта являются труды, посвященные мифопоэтическому в литературе (исследования Е.М. Мелетинского, В.Н. Топорова, З.Г. Минц, Ю.М. Лотмана, Я.В. Солдаткиной, В.В. Полонского, О.А. Корниенко и др.), а также исследования Московского текста, принадлежащие Н.В. Корниенко, Е.Е. Левкиевской, Е.Ш. Галимовой, Н.М. Малыгиной, Н.Е. Меднис, Т.А. Мергирьянц, И.Б. Ничипорову, И.С. Урюпину и др. При анализе текста учтены работы, посвященные исследованиям пространства и отдельных природно-пространственных образов в творчестве Пастернака (Г.Н. Гиржева, В.И. Заика, Ким Ен Сук, Ким Юн-Ран, Ди Сяоя, Е.Г. Руднева, А.А. Скоропадская, И.А. Скворцова, Е.Н. Смирнова, Я.В. Солдаткина, И.А. Суханова). Общие принципы подхода к художественной прозе основаны на трудах М.М. Бахтина, В.Н. Топорова. Методология работы – комплексная: используются сравнительно-исторический, мифопоэтический и структурно-семантический подходы.

Научная новизна диссертации состоит в конкретизации понятия «Московский текст» по отношению к роману Пастернака «Доктор Живаго» и выявлении его мифопоэтической природы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Топос Москвы занимает доминирующее положение в тексте романа Пастернака «Доктор Живаго».
2. Московские главы романа представляют собой вариант городского текста.
3. Москва, смысловой центр романа Пастернака, явлена во всем эмоционально-чувственном своеобразии ее облика с помощью системы топосов, метонимически представляющих разные стороны ее жизни. Леймотивность, характерная для введения топосов, создает впечатление единой пульсирую-

щей жизни городского организма.

4. Погруженность описания в детали повседневности не мешает образу Москвы представлять собой некую высшую реальность, обладающую статусом метафизического пространства.

5. Созданное в романе пространство – Московский текст – носит мифопоэтический характер благодаря обращению Пастернака к городским сюжетам мифологического происхождения (вечный город, грешный город Вавилон, град Китеж), а также использованию мифологем «лед», «огонь», «метель», природно-космического образа солнца и обращения к интертекстуальным связям.

6. Пастернак прибегает к семантической корректировке исходных архетипических моделей, их инверсиям, разработке новых мифопоэтических конструкций.

Практическое значение исследования. Материал диссертационного исследования может быть использован при дальнейшем изучении творчества Пастернака, а также при исследовании проблем «неклассической» прозы и своеобразия мифопоэтики и интертекста в литературе XX–XXI вв.

Результаты исследования могут также найти применение при подготовке общих и специальных курсов по истории русской литературы XX века.

Апробация диссертации. Материалы диссертационного исследования представлялись в форме статей и выступлений на конференциях.

Результаты работы были опубликованы в виде статей в журналах (всего 6 публикаций, из которых 3 были размещены в рецензируемых изданиях, входящих в перечень ВАК).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии, включающей 308 названий.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновываются актуальность и научная новизна избранной темы, формулируются цели, задачи исследования, положения, выносимые на защиту, определяются теоретическая и практическая значимость работы, ее структура, характеризуется теоретико-методологическая база исследования.

В **первой главе «Московские главы в контексте романа Б. Пастернака «Доктор Живаго»»** рассматривается отношение московских глав и произведения в целом к Московскому тексту русской литературы. Глава состоит из четырех параграфов.

В § 1 **«Проблема городского текста в его Петербургском и Московском вариантах»** городской текст рассматривается как литературоведческая категория, дается представление об истории формирования понятия «городской текст» в трудах Н.П. Анциферова, В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана, Н.Е. Меднис и других исследователей.

В диссертации определяются типологические черты, характерные для городского текста как такового, подчеркивается, что городской текст обладает двойной природой, представляя собой «встречу конкретного текста с вне-текстовой реальностью» (Н.Е. Меднис).

Самоценным объектом городского текста выступает город, что требует создания в литературном произведении его целостного художественного образа, передающего специфику его внешнего облика и внутреннего духа («идеи» – по В.Н. Топорову, «души» – по Н.П. Анциферову) – т.е. его максимальной смысловой установки, которую для Петербургского текста В.Н. Топоров, например, определяет как «путь к нравственному спасению, духовно-му возрождению в условиях, когда жизнь гибнет в царстве смерти, а ложь и

зло торжествуют над истиной и добром»³.

Среди универсальных признаков городского текста главными признаются сопутствующие ему мифы (миф творения, эсхатологический миф и т.д.).

В диссертации отмечается, что важнейшими носителями смысла в структуре городского текста являются «субстратные» элементы (В.Н. Топоров): *природная сфера* (климатические, метеорологические, ландшафтные компоненты), *материально-культурная сфера* (характер застройки, здания, улицы) и *духовно-культурная сфера* (мифы, памятники искусства, литературные произведения, исторические фигуры), которые наполняют собой мозаику топосов, каждый из которых обладает своей исторической, социальной, культурной семантикой, своим комплексом образов, мотивов, пунктирно намеченных сюжетов и превращен в образно-символическое обобщение одного из срезов городской жизни. Соотнесенные друг с другом топосы создают единое предметно-символическое пространство.

В модели городского текста важное место принадлежит, как показано в диссертации, доминантным точкам. В качестве доминантных точек в диссертации рассматриваются *вокзал* как знак бесконечных отъездов и возвращений, как символ открытости московского пространства, а с другой стороны — как воплощение беспорядочного коловращения жизни, *Храм Христа Спасителя* как символ вечного возвращения к началу начал, а также *финальный вид из распахнутого окна* на лежащий внизу «святой город» как надежду на чаемое мироустройство, заслуженное страной, которая выстояла в испытаниях войны и революции.

В § 1 особое место уделяется появлению и научной разработке понятия «сверхтекст» и рассматриваются сложившиеся в современном литературоведении два локальных сверткста – Петербургский и Московский. Представлена созданная в исследованиях В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана, Н.Е. Меднис

³ Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического : Избранное. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – С. 273.

и др. концепция Петербургского текста и сделана попытка обобщить суждения исследователей о понятии «Московский текст».

В § 2 рассматриваются **«Биографические и эстетические истоки Московского текста в творчестве Б. Пастернака»**, дается представление о характере московских привязанностей Пастернака: биографических (урожденный москвич, непосредственный свидетель важных исторических событий), семейных (причастность к творческой среде создателей и хранителей русской культуры), коммуникативных (контакт с представителями модерна и авангарда).

В диссертации приводится удачная характеристика «московскости» Пастернака, принадлежащая К. Чуковскому: «Среди московских улиц, закоулков и дворов он чувствовал себя как рыба в воде, здесь была его родная стихия, и говор у него был чисто московский, с протяжным аканьем, со множеством простонародных словечек»⁴. Свой отпечаток наложила на творчество Пастернака не только особая языковая атмосфера Москвы, но и «почти ярмарочная» пестрота (Д.С. Лихачев) московского быта рубежа веков, многообразие культурных сил, стекавшихся в Москву со всей России.

Дарованная от рождения принадлежность к художественной элите рубежа веков удачно соединилась в жизни Пастернака с близостью к представителям модерна и авангарда.

В диссертации рассматривается один из аспектов развития поэзии русского модернизма и авангарда, важный в контексте поставленной в диссертации проблемы. Речь идет о формировании в поэзии модернизма такого явления как городской текст. Современные исследователи городского текста не вводят в сферу своего внимания этот факт, и только недавно этот период в истории русской урбанистики получил глубокое и многостороннее освещение в исследовании Н.В. Шмидт «Городской текст» в поэзии русского модернизма» (2007).

⁴ Чуковский К. Современники : Портреты и этюды / Чуковский К. Собр. соч. : в 15 т. – М. : Терра-Книжный клуб, 2001. – Т. 5. – С. 460.

Основное внимание уделяется поэзии В. Брюсова, в котором Пастернак увидел первого подлинного поэта города, и творчеству А. Блока с его умением ввести в поэзию множество примет быта и придать им сакральный смысл (циклы «Город», «Страшный мир», «Снежная маска»). Акцентируются присущие творчеству этих поэтов эсхатологические мотивы.

В § 3 «**Московские главы и парадигма города**» рассматривается композиционное и сюжетное положение в романе московских глав и делается вывод об их доминировании в произведении, их праве претендовать на роль городского текста в его Московском варианте. Для доказательства этого утверждения автор диссертации обращается к парадигме городского текста, указывая, что она включает следующие компоненты: сопутствующие городу миф творения и эсхатологический миф; порожденная этими мифами идея города, выражающая духовный смысл его бытия; конкретно-чувственное воссоздание города как конкретной индивидуальности; наличие субстратных элементов, включающих природную, материально-культурную и духовно-культурную сферы, которые реализуются в системе топосов, метонимически представляющих разные стороны жизни города; присущая введению топосов лейтмотивность, наличие в городском пространстве доминантных точек, создающих его единство.

Предпринятое в диссертации сопоставление парадигмы города с текстом московских глав выносит на первый план проблему мифа творения, признанного главным атрибутом городского текста.

Москва – в отличие от Петербурга – лишена базовой легенды, которая осмысляет появление города либо как следствия действий демиурга, либо как чуда, связанного с волей высших сил⁵. Это обстоятельство исследователи, отрицающие существование Московского текста, рассматривают как главный аргумент в свою пользу. Представляется, что Пастернак использует отсутствие у Москвы мифа творения, чтобы создать мифопоэтическое про-

⁵ 1147 год, принятый как дата основания Москвы Юрием Долгоруким, всего лишь датировка первого документа, в котором упоминается Москва.

странство, несущее в себе особую «смысловую установку» (В. Топоров) – идею органичности, природности московского пространства, что соответствует историко-философской концепции Пастернака, противопоставляющего идее перестройки жизни⁶ мысль о ее «природности», органичности. Миф творения он замещает в романе мифом о вечном городе, у которого не было начала и не будет конца. В создании этого мифа велика роль пространственных номинаций. Роман пестрит названиями вокзалов, окружающих город застав, городских ворот, площадей, радиальных и кольцевых улиц и множества переулков. За каждым названием стоит то или иное событие в истории города, они многое сообщают о его характере и своеобразии. Это своего рода закодированная история Москвы, образ которой на фоне такой исторической детализации предстает вместе с тем пространством универсальных масштабов, в котором происходит столкновение Жизни и Смерти, Света и Тьмы, Холода и Тепла.

Топонимический план города, дающий представление о его облике, складывавшемся веками, использование пространственных номинаций, которые разворачиваются в серию исторических картин, воспроизведение теплой, уютной московской застройки, противопоставленной наступающему холоду модерна, реконструируют естественно-историческое происхождение Москвы. Таким образом компенсируется отсутствие мифа о творении, характерного для парадигмы городского текста, а Пастернак творчески разработывает традиционный миф о вечном городе, переживающем ситуацию катастрофы, цивилизационного сдвига.

Семантическим ядром произведения является вставная поэма «Смятение», пригрезившаяся Юрию Живаго в состоянии тифозного бреда, что придает тексту особую экспрессивность. В диссертации показано, что поэма, основанная на евангельском мифе, пропущенном сквозь мир блоковских обра-

⁶ Блоковское: «Переделать все...» (6, 12).

зов, отличаясь «энергией сжатия», «лирической концентрацией»⁷, создает условный образ «смятения» – метафору состояния мира и Творца, оказавшихся между Хаосом и Гармонией, Смертью и Воскресением – в промежутке метафизической пустоты, который человек должен достойно прожить, преодолеть смятение, неверие, встать навстречу Воскресению.

Центральный пастернаковский миф о противостоянии души собственному смятению обрастает кругом сопутствующих мифологем, начиная от архетипических образов снега, дождя, льда, метели, природно-пространственных космических образов (небо, солнце), и служит разворачиванию мифопоэтических ситуаций, реализованных в нескольких созданных Пастернаком городских мифах.

В § 4 «Система топосов как средство создания многообразия и единства городского пространства» рассматривается роль топосов, которые создают эмоционально-чувственное ощущение присутствия городского пространства.

Как показано в диссертации, владения Брестской железной дороги, район Тверских-Ямских с номерами «Черногории», Петровские линии, Сивцев Вражек, Мучной городок метонимически представляют разные планы московской жизни, обнажают назревающий раскол в духовной атмосфере города, демонстрируют систему оппозиций: дом на Брестской, номера Черногории – дом Громеко как противостояние метафизического неблагополучия и постоянства семейного уклада, усадьба Свентицких с ее старомосковским бытом – Петровские линии, олицетворяющие логику, холод модерна, вторгающихся в московский топос, отмеченный кривизной улиц и переулков.

В параграфе особое место уделяется проблеме сюжетной и композиционной роли топосов. Автор диссертации отмечает, что каждый топос поначалу воспринимается как самостоятельная единица повествования, но его видимая дискретность компенсируется многосторонними связями топосов.

⁷ Сильман Т. И. Заметки о лирике. – Л.: Советский писатель, 1977. – С. 33, 6.

Отъединенные друг от друга и, казалось бы, вполне самостоятельные фрагменты текста, благодаря использованию повтора, «разбредаются» по тексту, перекликаясь друг с другом. Возникающая лейтмотивность помогает созданию своего рода «истории» топосов, их сопоставлению, сближению возникающих в них образов, сцен и картин, их перетеканию друг в друга, благодаря чему возникает впечатление единой пульсирующей жизни городского организма. Таким образом кажущейся дискретности пространства противостоит принцип всеобщей связи, называемый А. Лавровым «теснотой коммуникативного ряда»⁸, который «передает авторское представление о тесноте человеческого мира, где люди неизбежно связаны и так или иначе должны встретиться»⁹. В диссертации отмечается, что система топосов создает образ Города-Дома, Города-Гнезда, в котором возникающие драматические противоречия уравниваются неизменностью жизненного уклада. Знаком этого состояния служит в романе образ Храма Христа Спасителя.

В диссертации отмечается, что начиная с Части пятой («Прощание со старым») характер изображения городского пространства меняется. Топосы, прежде дробившие пространство города, словно растворяются в нем, и на первый план выходит главная героиня повествования, как ее назовет в своих записках Живаго, – Москва – в момент, когда она переживает цивилизационный кризис.

Отмечено, что описание Москвы здесь, как и раньше, будет подчинено задаче одушевления города, превращению его в живое существо, в некий организм, наделенный всеми признаками субъекта, живущего реальной жизнью, «перемогающего в несчастьях».

Автор диссертации рассматривает систему топосов как убедительное доказательство того, что московские главы романа являются ярким примером городского текста, его Московского варианта.

⁸ Лавров А. В. «Судьбы скрещения»: теснота коммуникативного ряда в «Докторе Живаго» // Новое лит. обозрение. – 1993. – № 2. – С. 241–255.

⁹ Кузнецов И. В. Внутренний сюжет // Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении. Коллективная монография / под ред. В. И. Тюпы. – М.: Intrada, 2014. – С. 185.

Вторая глава посвящена мифопоэтике романа Пастернака «Доктор Живаго». Автор диссертации обращает внимание на то, что предвоенная Москва, сохраняя в романе свой культурно-исторический образ, предстает вместе с тем как некая высшая реальность символично-мифологической природы, в создании которой приняли участие прошедшие «переплавку» традиционные мифологические и литературные претексты, а главное – мифы, созданные самим автором.

В диссертации дается представление о том, что Москва в романе переживает три конкретно-исторические катастрофы: вступление в эпоху разрушения традиционной цивилизации и грядущих войн, послереволюционное лихолетье и появление на арене истории массового человека. Показано, что особый масштаб этим конкретно-историческим событиям придает модификация традиционных мифологических парадигм и создание авторских мифов, основанных на использовании архетипов воды, льда, огня и такой природной стихии как метель, а также на привлечении литературных источников (интертекста) и мифов, созданных в современную эпоху (миф о трамвае).

§ 1 «Новый Вавилон. Трансформация мифологической парадигмы». Авторский миф о Ледяном городе» посвящен анализу созданного Пастернаком образа Москвы накануне катастрофы (Первая мировая война, революция) и его мифопоэтическим параллелям.

В диссертации отмечается, что в романе воссоздается образ довоенной Москвы, богатого, переживающего подъем города, внутри которого идут разрушительные процессы (стачки, демонстрация, первая пролитая кровь). Отмечается, что Пастернак сохраняет традиционное присутствие персонажей и их судеб, приводящих каждого из них к критическим точкам в их жизни: Лару, желающую порвать с прошлым и жаждущую возмездия, – к выстрелу в своего врага; Юрия – к осознанию своего призвания и вере в Тепло любви, способной растопить оледенение, остановить силы разрушения, символом чего становится Рождество.

Этим сюжетам, как отмечается в исследовании, Пастернак придает мифопоэтический характер, используя интертекстуальные связи (апокалиптическая парадигма в поэзии Брюсова, городские мотивы в поэзии Блока). Пастернак, с одной стороны, актуализирует известный миф о Вавилоне, инверсируя мифологический код с помощью введения в «вавилонский» контекст образа «святого города» и используя их оппозицию для подсветки социально-психологических сюжетов, придавая им глобальный смысл борьбы Холода и Тепла. С другой – создает авторский миф о Ледяном городе, семантически близкий трансформированному мифу о Вавилоне, – миф, основанный на использовании мифологем «лёд» – «огонь». Два мифа объединяет мифологема огня, которая присуща ситуации Вавилона (считается, что Вавилон погиб в пламени Божественного огня). В другом случае мифологему «огонь» рождает иносказательное употребление этого слова, синонимичное понятию страстной жажды возмездия.

Мифологема «лёд» и производные от слова «лёд» пронизывают две уличные сцены, зеркально расположенные по отношению друг к другу. В одной сцене (путь Лары с пистолетом в кармане на встречу с Комаровским в дом Свентицких) возникает поле оледенения внешнего и внутреннего пространства, под которым кипит лава страстей, готовых взорвать лед очистительным огнем возмездия. В другой сцене (путь Юрия с Тоней) происходит чудо преображения – Ледяной город, царство льда оказывается расколдовано теплом любви и сочувствия, отвергающим необходимость прибегать к очистительному огню. В этом контексте символом чуда становится святой ребенок в яслях.

Диссертант отмечает, что Пастернак отвергает возможность гибели города и полагает возможным найти пути спасения.

В § 2 второй главы «**Гибнущий город. Семантика метели в романе. Идея спасения**» рассматривается характер разработки Пастернаком мотива гибнущего города и указывается на его новую попытку решить проблемы спасения. Преимущественное внимание уделяется роли, которую в создании

авторского мифа играет природный субстрат (метель, буря, буран), как это уже было в случае создания мифа о Ледяном городе.

Мотив метели, будучи одной из универсалий русской литературы, играет роль устойчивого формально-содержательного компонента произведения. В диссертации мотивируется суждение об определяющей роли мотива метели в превращении подробно разработанной в романе конкретно-исторической ситуации (разрушение традиционного уклада жизни), в трансцендентную катастрофу.

В диссертации обращено внимание на то, что избранная Пастернаком мифологема метели равна по значимости своей роли наводнению в Петербургском тексте. Показано, что масштабы стихийного явления в романе гиперболизированы. В диссертации отмечается, что гиперболизация достигается тем, что Пастернак постоянно возвращается к одним и тем же пейзажным мотивам (вьюга, снегопад, метель), переосмысляя их и выявляя в них новые смыслы. Повтор метельных мотивов создает феномен суггестии, расширяющий их смысловой объем, далеко уводящий их от традиционной функции создания зимнего пейзажа. В диссертации обращено внимание на перемены, происходящие в образе городского пространства, отмечено, что оно становится мертвенным («зимнее обмирание»), гибельным («испытание», «гибель»), обреченным («приговоренность»), больным («перемогающийся в несчастьях»), находящимся под властью наваждения («на своем заколдованном перекрестке»).

В диссертации отмечена соотнесенность метельного пространства главы «Московское становище» с началом романа и подчеркивается, что создание кольцевой композиции придает ситуации апокалиптический характер.

Рассматривается переключение кладбищенской сцены, в которой впервые появляется метель как природно-космическое явление, сопутствующее календарной смене времен года (перелом от осени к зиме), в метафизический план. Автор диссертации показывает, что ситуация обретает смысл противоборства души с силами зла, с миром, уходящим во времена варварства, пре-

вращается в символ противостояния души собственному смятению, что дает начало разработке идеи города, экспрессивно выраженной в поэме «Смятение». Как отмечает диссертант, созданная в первых сценах картина торжества стихии «опрокидывается» в главу о заснеженном пространстве, где, как подчеркнуто в диссертации, происходит превращение города в дикое поле, завоеванное снежными бурями, ветрами, метелями.

В диссертации рассматриваются мотивы и сюжеты, связанные с мифологемой метели. Выявляется традиционно связываемый с вьюгой *сюжет бесовского действия* («кусты облетелой акации метались, как *бесноватые*, и ложились на дорогу» – 3, 8), который включает сцену, а с ней и весь роман в метельное пространство русской литературы и сближает с пушкинским стихотворением «Бесы», символизирующим неразрешимость противоречий бытия. Однако в диссертации утверждается, что сюжет, связанный с метелью, может иметь как бесовский, inferнальный, так и позитивный смысл. Предлагается назвать его в последнем случае *сюжетом озарения, прозрения, приближения к божественной истине*, знаком ниспосланного Юрию творческого дара, спасающего душу от смятения. Образ творческого дара становится, как отмечено в диссертации, основой пунктирно намеченного сюжета инициации поэта: сцена в келье, стук в окно (знак Благой Вести), святочная ночь (Рождение Юрия как поэта и обретение им своей Вифлеемской звезды), сцена в партизанском лесу (Преображение: «точно дар живого духа потоком входил в его грудь, пересекал все его существо и парой крыльев выходил из-под лопаток наружу» – 3, 339), появление книги стихов (Воскресение).

Отмечается, что с мифологемой метели связаны не только inferнальный сюжет и сюжет озарения, но и *сюжет наваждения, сюжет заблуждения*. Он присутствует уже в «первоисточнике» – в пушкинских «Бесах», а у самого Пастернака в претексте романа – в стихотворении «Метель» (1915). Подчеркивается, что в «Метели», как и в «Бесах», важна тема героя, заблудившегося внутри условного пространства, «куда ни одна нога не ступала» – в чужом пространстве, чужом времени.

Показано, что в романе к мотиву подмены пространственно-временных координат и к сюжету утраты пути, блуждания в чужом пространстве и времени добавляется *сюжет бесовского наваждения* – соблазн поверить в знаменательный октябрьский день. Отмечено, что сюжет преодоления заблуждения становится толчком к возникновению *сюжета спасения*.

Избранная Пастернаком жизненная модель поведения его героя вызывает у автора диссертации ассоциации с личностью знаменитого философа, историка литературы С.Н. Дурылина, с характерными для него поисками модели жизнестроения, с идеей «града Китежа», а также возникшей в советское время идеей «своего угла», «родного угла». Диссертант отмечает, что идея суетности любых общественных деяний и любого социального признания была выражена Дурылиным в дневниковых записях 1924–1939 годов. Обращение к анализу сюжета спасения позволяет акцентировать такие моменты, как бегство героя в глушь, попытка найти спасение в семейной идиллии, в любви к Ларе, в «родном углу» с Мариной и двумя детьми, что дает диссертанту право подчеркнуть общность позиции героя с концепцией жизнестроения, созданной Дурылиным. В диссертации показано, что свое спасение герой находит только тогда, когда обретает «цветущий во плоти Китеж искусства»¹⁰. Отмечается, что Москва на страницах заметок Юрия Живаго преобразуется: природно-космический образ Солнца, сопровождавший Храм Христа Спасителя, приобретает гиперболический масштаб, превращая Москву в Город Солнца, что позволяет автору диссертации выразить суждение о том, что миф о гибели Города-страстотерпца превращается, как и в случае с мифом о Вавилоне, в миф о спасении.

В § 3 «Мифологизация повседневности: Москва "эпохи Московшвея"» рассматривается новый вариант развертывания пастернаковского мифа о Москве, которая переживает на страницах романа третью катастрофу – появление на ее улицах человека массы.

¹⁰ Дурылин С. Н. Рихард Вагнер и Россия. О Вагнере и будущем пути искусства. – М., 1913. – С. 56.

В основе этого мифа лежит модификация созданного в начале XX века мифа о трамвае как воплощении стремительного и неумолимого времени, его одушевленности и бездушия, его роковом влиянии на судьбы людей. В диссертации рассматриваются варианты этого мифа в дореволюционной и послереволюционной литературе, а также подчеркивается особая значимость стихотворения Гумилева «Заблудившийся трамвай» и рассказа Замятина «Дракон», ставших претекстами нового мифа Пастернака. Отмечается, что присущее текстам Гумилева и Замятина нарушение конвенции существования трамвая как вида транспорта – заданность траектории его пути — Пастернак намеренно не использует. Он создает ситуацию остановки множества вагонов, превращение их в обездвиженные автоматы, что не только мотивирует сюжетную ситуацию, но и символизирует прекращение естественной жизни, создает персонификацию общего омертвления пространства.

Диссертант отмечает, что в создании мифа принимает участие мифология духоты, которая наделяется сюжетопорождающей функцией, создавая в трамвае ощущение тесноты, скученности, спертости воздуха, безвыходности, общей враждебности друг к другу, что превращает трамвай в символ жизни, порожденной «восстанием масс».

Центральное место в этом параграфе отдано участию в создании нового городского мифа системы межтекстовых (интертекстуальных) связей с Блоком (его высказывание о причине смерти Пушкина – «Его убило отсутствие воздуха» – реализуется в сцене смерти Живаго), а также с Мандельштамом. В диссертации дается сопоставление сцены гибели Живаго с ситуацией, воссозданной в стихотворении Мандельштама «Нет, не спрятаться мне от великой стены», – возможным претекстом указанной сцены, который Пастернак преобразует, подчеркивая в состоянии и поведении своего героя способность возвыситься над ощущением изгойничества.

Обращается внимание на появление в финале жизненного пути Живаго природно-космического образа Солнца и сюжета, связанного с творческим даром, открывающим путь к спасению, к воскресению.

В **Заключении** подводятся итоги исследования.

В диссертации обоснован вывод о том, что московские главы в романе Пастернака «Доктор Живаго» занимают доминирующее положение, а московское пространство выступает как особый объект художественного исследования, как целостное единство, которому присущи черты, характерные для парадигмы городского текста. Рассмотрение системы топосов, метонимически представляющих разные стороны московской жизни, входящие в них субстратные элементы природной, духовно-культурной и материально-культурной сфер сообщают городскому пространству «московский отпечаток».

Исследование текста московских глав романа Пастернака обнаруживает, что Московский текст – исторически меняющееся понятие. Хотя автор соотносит созданный им миф о городе с семантическим полем московского мифа, дающего представление о Москве как о квинтэссенции русского национального уклада, как о городе, выросшем естественным путем, где царит атмосфера семейственности, уюта, доброжелательности, — писатель, во-первых, инверсирует эти стороны московской жизни, внося в их изображение легкую иронию (картина застолья у Громеко, празднование Рождества у Свентицких), а во-вторых, отдает предпочтение изображению города в критических ситуациях, когда он трижды переживает цивилизационные сдвиги и пребывает, как и Петербург, «над бездной», и в этом отношении Московский текст сближается с Петербургским. При этом особую роль приобретает в романе сотериологический миф в разных его вариантах.

Все вышесказанное позволяет считать, что городской текст в романе «Доктор Живаго» может рассматриваться как принадлежащий Пастернаку вариант Московского текста, по структуре близкий Петербургскому.

Диссертант отмечает, что своеобразие Московского текста в романе «Доктор Живаго» состоит в его мифопоэтической природе, в актуализации и трансформации глобальных моделей мира, в том числе мифа о Вавилоне, городе, наказанном за грехи, мифа об Обреченном городе, мифа о граде Китеже и мифов, рожденных повседневностью (миф о трамвае, миф об «эпохе Моск-

вошвея»).

В романе «Доктор Живаго» мифопоэтическая парадигма носит имплицитный характер: «внетекстовые конструкции» (Ю.М. Лотман) привносятся туда читателем.

Согласно наблюдениям диссертанта, создание мифопоэтического текста предполагает также межтекстовое взаимодействие. Но отсылки к другим художественным текстам выражены в основном имплицитно. Среди основных видов отсылок к прецедентным текстам (цитаты, реминисценции, аллюзии) – преобладают аллюзии, при этом частым случаем становится соотнесение детали, мотива, ситуации с текстом другого автора в целом. Так, например, текст романа Пастернака соотносится с городским текстом русского модернизма (В. Брюсов, А. Блок, О. Мандельштам).

Продланное исследование романа Пастернака «Доктор Живаго» позволяет сказать, что писателю удалось создать уникальный вариант Московского текста.

Основные положения диссертации изложены в 6 следующих публикациях, 3 из которых размещены в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Чаглыян Шакар К. Образ Москвы в романе Пастернака «Доктор Живаго» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 1 (55) : в 2-х ч. – Ч. 2. – С. 61–66.

2. Чаглыян Шакар К. Уличные сцены и их роль в контексте романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» (в соавт. с Скороспеловой Е.Б.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики.– Тамбов: Грамота, 2016. – № 2 (56) : в 2-х ч. – Ч. 2. – С. 26–29.

3. Чаглыян Шакар К. Семантика и функции мотива метели в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» (в соавт. с Скороспеловой Е.Б.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 4 (58) : в 3-х ч. – Ч. 2. – С. 41–44.

4. Чаглыян Шакар К. Принципы изучения городского текста в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Слово. Грамматика. Речь : Материалы VI Международной научно-практической конференции «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного». Москва, филологический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, 26–28 ноября 2015 г. – М. : МАКС-Пресс, 2015. – Выпуск XVI. – С. 668–671.

5. Чаглыян Шакар К. «Эхо» брюсовского города в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Материалы Международного молодежного научного форума ЛОМОНОСОВ–2016 / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов [Электронный ресурс]. – М. : МАКС-Пресс, 2016. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. – Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader. ISBN 978-5-317-05237-9.

6. Çağlıyan Şakar K. Boris Pasternakın "Doktor Jivago" adlı eserinin ve ana karakterlerinin incelenmesi (Анализ произведения и главных героев в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго») / International Journal of Languages' Education and Teaching (IJLET) Mannheim, Germany. UDES 2015. – P. 1556–1562. – на турецком яз.